

Иные юные поклонники искусств, прочитавши первую статью второй тетради и обнаружив, что в ней не самым лучшим образом говорится о древнем христианском искусстве, не могли удержаться от вопроса: какого направления мыслей придерживались веймарские поклонники искусств в 1797 году, когда вышел в свет «Монах», осуждали ли они тогда новое направление в немецком искусстве? На этот вопрос нельзя ответить иначе как утвердительно.

Прямодушные молодые умы восприняли это откровение отнюдь не равнодушно, сочли делом чести вмешаться и осудить тот факт, что рачительных художников, особенно тех, с кем они были более тесно связаны, не предостерегли вовремя от подкрадывавшегося зла. На это можно многое возразить. Бесплезно, если не опасно, тут отрицать, удерживать, противодействовать, ибо, когда юные, горячие умы следуют за всеобщим направлением времени и начинают небезуспешно творить согласно своей натуре, их очень трудно, а порой и невозможно убедить в том, что на этом пути их, как и многих других, ожидают опасности и потери. Поэтому мы молча присматривались к этому направлению, — к тому, как оно мало-помалу развивалось. Но мы не вполне бездействовали; мы пытались наглядно подтвердить нашу точку зрения. Неопровержимое свидетельство тому — семилетняя продолжительность веймарских художественных выставок, на которых мы считали своим долгом показывать лишь то, что было нам известно из греческой поэзии или, по крайней мере, ей близко, и это, возможно, на несколько лет замедлило развитие нового болезненного направления, хоть под конец впору стало опасаться, как бы и нас не затянуло его течение. И так как все эти проблемы занимали умы, на повестку дня встал вопрос о немецком языке — стали задумываться над тем, все ли тут обстоит благополучно, хотя прямо о том высказаться ни у кого не стало ни охоты, ни полномочий. Продолжившаяся дискуссия вызвала известное брожение умов, и, для того чтобы через двадцать лет, пусть и на том свете, избежать упреков, мы решились высказаться о немецком языке, о том хорошем и плохом, что он ныне претерпевает. К счастью, нам в руки попала статья, которую мы рекомендуем всем нашим читателям, дабы чужими устами было высказано то, что думаем мы сами.

«О становлении немецкого языка со вниманием к новейшим исследованиям» — так называется статья в третьем выпуске восьмого тома «Немезиды». Мы премного обязаны автору, освободившему нас от обязанности высказать собственные мысли на этот предмет. Он предостерегает (и мы сами поступили бы точно так же) от непоправимого вреда, который можно нанести нации, исходя даже из самых лучших и добрых намерений, если повести ее по ложному пути, а именно таково нынешнее положение с нашим языком. Так как мы готовы подписаться под всеми его высказываниями, то мы и воздерживаемся от дальнейших объяснений, заметим только, что он истинный немец, честный и порядочный, каким только и хочется видеть молодого человека. Это покажет и докажет короткое о нем сообщение.

Карл Рукшгюль родился в кантоне Люцерн в семье знатных родителей и первые уроки получил на своей родине. Юношей он поступил в Гейдельбергский университет и, в убеждении, что источник подлинных знаний можно найти только у древних, посвятил себя главным образом филологическим изысканиям.

Пожелав принести пользу отечеству на поприще воспитательском, он, чтобы подготовиться к тому, на некоторое время заступил должность преподавателя древних языков в кантональной школе в Арау.

Но когда весной 1815 года спокойствие нашей части света было вновь нарушено, он последовал благородному порыву и принял личное участие в борьбе на правой стороне добровольцем, отправившись на службу в прусскую армию, с которой и дошел победоносно до Парижа. Но и с оружием в руках он не забывал о своей науке и, будучи ли в Париже, воротившись ли в Германию, он повсюду встречался с учеными. Ныне он живет в Берлине, стремясь еще больше совершенствовать свое образование. Здесь-то он и написал рекомендуемую нами статью.

Желаем ему, чтобы он и впредь продолжал передавать свои взгляды публике. Он создает много хорошего, тем более что не выступает противником достойнейших мужей, творящих в этой области, но, по его же собственным словам, идет с ними рядом, делая им порой дружеские замечания.

Так как эту статью должны прочесть и одобрить многие немцы, мы желали бы, чтобы в скором времени воспоследовал отдельный ее оттиск, от которого мы ждем многого.

Свободный взгляд на мир, который немцы постепенно утрачивают, весьма бы упрочился, когда бы молодой ученый задался целью оценить по достоинству подвиг поистине поэтический, который в течение трех столетий вершат немецкие поэты, создавая поэзию на латинском языке. Тогда ясно стало бы, что немец остается верен себе, даже говоря на чужом языке; достаточно вспомнить об Иоганнесе Секундусе и о Бальде.

Этот почетный труд мог бы взять на себя господин Пассов — переводчик Секундуса. Одновременно он бы мог обратить внимание и на

то, как другие культурные народы той эпохи, когда латинский язык был языком мировым, писали на нем и общались между собой способом, который ныне уходит в прошлое.

К несчастью, мы забываем, что и на родном языке часто пишут так, словно он — иностранный. Это, однако же, тоже можно понять: когда на протяжении целой эпохи много пишут на каком-то языке и выдающиеся таланты его средствами преподносят нам целый мир живых чувств и судеб, тогда содержание эпохи, да и сам язык полностью себя исчерпывают и любая посредственность может легко воспользоваться наличествующими средствами и превращает их в ходячие фразы.

Всю историю литературы, как и мировую историю, нередко пронизывают на первый взгляд незначительные усилия, которые, однако, благодаря их настойчивости и постоянству оказывают на литературу значительное воздействие. Поэтому очень ко времени явилась бы коротенькая статья, которая бы нам наглядно показала, как в течение сорока лет умные и музыкально одаренные люди снабжали французские и итальянские оперы немецкими текстами, и в том их значительная, хоть и незаметная заслуга. Наш лирический театр достиг невероятных высот, мы видели на наших сценах превосходнейшие образцы французской лирической драмы, не прошли мимо нас и итальянские оперы, а немецкие оперы, созданные немецкими мастерами, услаждают ум и в течение долгих лет волнуют сердца. Благодаря этому вкус и понимание проникли в среду публики, а лирическая поэзия с каждым годом приобретала то неоценимое преимущество, что становилась все более напевной, притом не утрачивая глубины. Со всех сторон звучали религиозные, патриотические, застольные и любовные песни, а у нашей серьезной музыки была тысяча возможностей для применения ее неисчерпаемых средств. Но кто бы мог подумать, что первый толчок ко всему этому дал ныне совершенно позабытый театральным директором Маршан, перенес к нам из Франции лукавую молочницу и неповоротливых охотников, а затем красавицу с добродушным чудовищем, оживив наш театр приятной музыкой Гретри и оказав ему неоценимое благодеяние; ибо с тех пор началась непрерывная история развития немецкой оперы. Возможно, кто-нибудь из сотрудников «Музыкальной газеты», который помнит те времена как их живой свидетель, будет в силах дать нам сжатый их обзор, из которого бы явствовало, что нет для немца ничего более нелепого, как вообразить, будто он пользуется лишь своими собственными запасами, и забывать о том, как много он за последние пятьдесят лет задолжал чужим народам, перед коими и до сих пор он в неоплатном долгу.

Но лучше бы теперь об этом помолчать. Придет время, и немец спросит, каким это путем удалось его предкам довести язык до столь высокой степени самобытности, которой сейчас он может гордиться.

Мы охотно соглашаемся с тем, что любой немец может добиваться самой высокой образованности, пользуясь лишь средствами своего родного языка и без всякой чужеземной помощи. Этим мы обязаны многосторонним усилиям прошлого столетия, принесшим пользу всему нашему народу, но особенно среднему сословию в лучшем смысле этого слова.

К этому сословию относятся жители маленьких городов, красиво расположенных и зажиточных, которых Германия насчитывает столь много, разные служащие и торговцы, фабриканты, а особенно жены их и дочери, деревенские священники, поскольку они — воспитатели. Все эти лица, живущие хотя и в скромных, но все же вполне удовлетворительных условиях, способствующих развитию нравственности, — все они в жизненных заботах и заботах воспитания обходятся средствами родного языка.

Однако ни для кого, кто мало-мальски знает свет, не остается в тайне, что жизнь в сферах высших требует более совершенного владения языком.

Очищать и вместе обогащать родной язык — дело выдающихся умов. Очищение без обогащения — занятие для бездарных.

Ведь ничего нет удобней, как, забыв о содержании, следить за способом выражения. Мыслящий человек лепит словесный материал, не заботясь о том, из каких он состоит элементов, бездарному же легко говорить чисто, поскольку ему сказать нечего. Как же ему почувствовать, какой жалкий суррогат он употребляет вместо слова значительного — ведь это слово никогда не было для него живым, ибо он над ним не задумывался. Существует много способов очищения и обогащения, которые должны сочетаться, чтобы язык развивался, как живой организм. Поэзия и страстная речь — единственные источники живой жизни языка, и если силой своего стремления они и увлекают за собой мусор, то в конце концов он осядет и поверх него потечет чистая волна.

Комментарии

Впервые напечатано в журнале «Об искусстве и древности» в 1817 году.

...первую статью второй тетради... — В этом выпуске «Об искусстве и древности» была напечатана статья Г. Мейера «Новонемецкое религиозно-патриотическое искусство», направленная против романтизма. Гете высоко ценил эту работу своего друга.

«Монах» — то есть «Сердечные излияния монаха, любителя искусств» Вильгельма Генриха Вакенродера (1773–1798), изданные и отредактированные Л. Тиком. Это было одним из программных произведений романтизма.

Карл Рукшгуть (1788–1831) — педагог и языковед. «Немезида» — журнал, в котором была напечатана статья, разбираемая Гете.

Иоганн Секундус (настоящее имя — Ян Николай Эверерт; 1511–1536) — писатель. Бальд Якоб (1604–1668) — поэт, открытый Гердером.

Пассов Франц Людвиг (1786–1833) — поэт, перевел с латыни на немецкий язык норму Иоганна Секундуса «Поцелуй».

Маршан Теобальд (1741–1800) — привез в южную Германию французские комические оперы.

Гретри (1741–1813) — французский композитор.

А. Аникст